

Первые результаты Конкурса имени Чайковского среди пианистов, наверное, разочаровали всех. Денежное содержание первой премии увеличилось вдвое, а программа существенно сократилась. Что, впрочем, правильно — для того, чтобы определить уровень пианиста, и одного прослушивания более чем достаточно. К тому же для большинства участников даже эта, сокращенная программа оказалась непосильной. Многие коллеги уже сетовали на то, что уровень пианистов на этот раз, как никогда, низок. По сравнению с прошлым конкурсом количество их почти в два раза возросло, но в качестве не перешло. Результаты первого тура очень впечатляют: две трети участников (из них лишь двое — россияне) не набрали "проходных" 18 баллов и автоматически выбыли из борьбы. Осталось 32 пианиста — а ведь до второго тура планировалось допустить сорок. Жюри даже не пришлось по-настоящему производить отбор — выбирать было не из кого. Так что радость организаторов по поводу рекордного количества исполнителей на конкурсе была несколько преждевременной — приток "свежих сил" осуществился в основном за счет "лишних людей". Были они, разумеется, и на прошлом конкурсе, но не в таком количестве. Не припоминается и столь откро-

венной халтуры, как выступления Евгения Фирсова (США), Минаса Галеоса (Греция) и некоторых других, которые — прямо по известному музыкантскому анекдоту — "играли, но не сыграли ни одной ноты". Подобных досадных случайностей невозможно избежать без предварительного отбора иностранных участников. И об организации такого отбора, похоже, придется подумать устроителям следующего конкурса. Разумеется, проводить предварительное прослушивание иностранцев было бы накладно. Но изучить аудио- или видеозаписи и "анкетные данные" вполне возможно. И очень желательно.

Задача привлечь на конкурс как можно больше иностранцев, естественно, была продиктована соображениями престижа. Кто же к нам приехал?

Абсолютное большинство иностранцев прибыло из стран Дальнего Востока — Японии, Кореи, Китая. В массе своей эти музыканты весьма далеки от настоящего европейского уровня. Это понятно — данные страны находятся на этапе освоения европейской культуры, в том числе и культуры пианистической. В этом отношении лидируют, судя по конкурсу, представители Японии. В их числе есть исполнители профессиональные и достойные, которые вполне могут претендовать если

не на звание победителя, то во всяком случае на одну из премий. Например, Хироки Като и Хироки Аримори (оба — участники прошлого Конкурса Чайковского). Хироки Като выгодно выделялся на общем фоне хорошей европейской выучкой (он окончил Академию имени Ф. Листа в Будапеште), исполнительской культурой — благородством звука, сдержанностью сценической манеры и к тому же тонким слышанием и органичными интерпретациями русской музыки, будь то "Белые ночи" и "Тема с вариациями" Чайковского, этюд-картина Рахманинова или Восьмая соната Прокофьева.

Что больше всего удручает на конкурсе, так это отсутствие интересных европейских исполнителей, которые могли бы составить достойную конкуренцию российским пианистам. Именно этот факт более, чем какой-либо другой, говорит о падении авторитета конкурса и его уровня. Судьба пианистов из Франции и Италии (причем пианистов действительно интересных и достойных) на прошлом конкурсе довольно показательна — их даже до третьего тура не допустили. Стоит ли удивляться, что к нам не едут? В довольно скромном списке европейских участников мало лауреатов крупных международных конкурсов, а пианистов, достойных

упоминания, — и того меньше. Француз Оливье Пейребрюн на первом туре привлек внимание естественностью и благородством игры, умением построить фразы "широкого дыхания". Правда, в следующем круге состязаний это приятное впечатление не чисто было испорчено: Соната Шуберта и "Думка" Чайковского были просто невыносимо скучны. Фредерик Кемпф (Великобритания) — тонкий музыкант с чувством стиля, но его манера игры очень камерна, и в пространстве Большого зала многие из нюансов терялись и, скорее, угадывались.

Пианисты из стран ближнего зарубежья — Армении, Беларуси, Литвы, Казахстана, Киргизстана — не дошли даже до второго тура. Что вполне естественно — кроме моря разливанного фальшивых нот, обильно одобренных педагогов, ничего из этих выступлений не запомнилось. Исключение составили музыканты Украины — киевлянка Алина Халикова, удачно зарекомендовавшая себя на прошлогоднем Конкурсе Рахманинова, Андрей Желтоног и Олег Полянский — воспитанники Московской консерватории, лишь формально принадлежащие к "команде" Украины. Андрей Желтоног, обладатель премий нескольких международных конкурсов, выступил достойно и на

этот раз, особенно ярко проявив себя на втором туре. Чайковский был исполнен с безупречным вкусом, Соната Листа — прекрасно "выстроена".

Российская "команда", прошедшая суровый предварительный отбор, на этот раз оказалась даже более ровной и сильной, чем на прошлом конкурсе. Однако в ней нет ярко выраженного лидера. Есть лидирующая группа. Возглавляют ее Вадим Руденко и Алексей Султанов. Вадиму Руденко, завоевавшему третье место на X Конкурсе, не занимать сценического темперамента, виртуозности и блеска. Однако есть у него тенденция к "гладкому скольжению" по поверхности произведения. Эти впечатления четырехлетней давности вновь подтвердились. На первом туре Руденко представил еще с тех пор памятный набор своих коронных номеров — Второй этюд Шопена, Девятую сонату Моцарта, Прелюдию и фугу Танеева. Шопен был, как всегда, великолепен, моцартовская соната прозвучала, правда, эдаким "милым пустячком"... Алексей Султанов — музыкант самовыражения, но не во всем одинаково убедителен. Его стихия — музыка мощная и властная, звучащая на эмоциональном пределе. И это подтвердилось поистине феерическим и "хулиганским" (вполне, впрочем, в духе оригина-

ла) исполнением Седьмой сонаты Прокофьева, "налетевшей" на порядком утомленную публику, подобно шквалу. Такого эмоционального напора на нынешнем конкурсе мы еще не наблюдали. Яркое, сильно и темпераментно выступила на первом туре Виктория Корчинская-Коган. Было, однако, в ее игре больше от радости победы над материалом, нежели от подлинной исполнительской свободы. Хотя последнее для молодой пианистки, возможно, дело будущего. Максим Филиппов, Святослав Липс, Сергей Тарасов и Денис Мацуев выступили профессионально, крепко и основательно.

И, наконец, на нынешнем конкурсе обозначилось такое явление, как российские музыканты, живущие за рубежом. Пожалуй, сегодня только они способны составить реальную конкуренцию российской "сборной". Два музыканта — Кирилл Глядкоцкий и Максим Аникушин, выступающие за США, — заставили серьезно говорить о себе. Глядкоцкий — выпускник Московской консерватории, ученик Михаила Плетнева, Льва Власенко и Даниила Поллака, — без сомнения, глубокий музыкант. Об этом свидетельствуют те интеллектуально-взвешенные трактовки Прелюдии и фуги Танеева и 32-й Сонаты Бетховена, что он представил на первом

туре. На втором, однако, он выступил гораздо менее убедительно. Взяв на себя смелость исполнить "непопулярную" ф-диез-минорную сонату Николая Ясковского, прекрасно передал трагический надлом этого сочинения, но совершенно запутался в лабиринте Сонаты Листа. Максим Аникушин — из тех музыкантов, которые просто созданы для конкурсов. Великолепная техника, хорошая школа (его нынешний педагог в Джульярде — наша соотечественница Оксана Яблонская), однако сквозь все это лишь изредка пробивается искорка индивидуального отношения.

В конкурсной программе не было "обязательных" сочинений, и потому здесь "встретились" разные композиторы — от Баха до Мясковского. Но, пожалуй, мало кому из них так не повезло на Конкурсе имени Чайковского, как... самому Петру Ильичу Чайковскому. Для большинства пианистов исполнение пьес из "Времен года" было не более чем данью требованиям программы первого тура. Играли уныло, блекло и как-то "абстрактно-музыкально" — вроде бы и все детали на месте, но где же теплота и задушевность, где бережное, трепетное отношение к музыкальной фразе? И главное — мало кто (пожалуй, назову лишь Руденко, Кемпфа, Пейребрюна) играл с любо-

вью к музыке. Не лучше обстояло дело и в дальнейшем. Из нескольких сочинений Чайковского, предложенных программой второго тура, участники в основном избрали "Думку". И сделали это, кстати, совершенно зря. Ибо, как оказалось, довольно трудно быть простым и естественным и в то же время проявить хоть крупицу индивидуальности и притом остаться в рамках хорошего вкуса. Лучше всех это удалось Максиму Филиппову и Андрею Желтоногу. А вообще, "сельскую сцену" интерпретировали как могли. Были и туманные интеллектуальные изыски, и бурные страсти-мордасти, и нечто листовски-трансцендентное, и лихой опереточный галоп...

Шумановская мысль о том, что игра на инструменте есть то же, что игра с ним, едва ли пригодна для характеристики нынешнего конкурса. Участники XI Международного конкурса постоянно напоминали о том, что это суровая и напряженная борьба за место под солнцем — борьба друг с другом, с инструментом, с сопротивлением "нотного материала". Это понятно, и все же хотелось бы побольше игры. Иными словами — чтобы состязание было все-таки, скорее, художественным, нежели спортивным.

Татьяна ГАЛЬПЕРОВИЧ

Борьбы достаточно. Хотелось бы побольше игры

Культура. — 1998. — 25 июня — 1 июля. — с. 13

Чайковский Т. Ч.
(конкурс)